

I.

Богъ наградилъ меня очень хорошою памятью. Я помню себя и все, что меня окружало, почти съ перваго дня моего рожденія, — и теперь хочу подѣлиться съ вами, долгоносые и коротконосые друзья мои, кое-чѣмъ изъ моихъ воспоминаній.

Насъ въ семьѣ, кромѣ отца и матери, было двое. Въ благородныхъ журавлиныхъ семьяхъ иначе и не бываетъ. Я и моя сестра — родились въ одинъ часъ, и я даже очень хорошо помню осколки скорлупы зеленыхъ, испещренныхъ коричневыми пятнышками яицъ, валявшіяся, до поры-до-времени, на днѣ нашего гнѣзда-логовища.

Когда я впервые проглянулъ на свѣтъ, я былъ очень озадаченъ всѣмъ, что видѣлъ передъ собою и ровно ничего не понималъ изъ всего видѣннаго, но скоро — и личный опытъ, и мудрые совѣты родителей заставили меня понимать все окружающее, какъ слѣдуетъ всякой порядочной птицѣ, занимающей въ нашемъ царствѣ пернатыхъ одно изъ очень видныхъ мѣстъ, особенно, если стоишь во весь ростъ, да при томъ еще на пухлой, болотной кочкѣ.

Часть нашего появленія на свѣтъ Божій былъ ранній, утренній. Солнце еще не всходило, но уже золотистый отблескъ озарялъ густой, ночной туманъ, сплошную пеленою стлавшійся надъ топкимъ болотомъ, окраину котораго заселяло десятка два сродственныхъ намъ журавлиныхъ семей.

Общая картина мѣстности сначала показалась мнѣ не очень-то приглядною, да къ тому-же я чувствовалъ

пренепріятный, рѣзкій холодъ, и, поневолѣ, пожалѣлъ о своей прежней, тепленькой, хотя уже черезчуръ тѣсной и темной квартиркѣ, свѣжія осколки которой, еще мокрая, валялись подъ нашими слабыми ножками.

Я видѣлъ только ближайшія мохнатыя кочки, нѣсколько жиденькихъ кустиковъ лозняка, кое-гдѣ въ туманѣ свѣтилась вода — и больше ничего... Только надъ головою, очень ужъ высоко, разбѣгались вѣтромъ красивыя, золотыя, подрумяненные снизу, легкія облака и тамъ, какъ мнѣ казалась, именно въ этихъ облакахъ, весело чирикали и посвистывали маленькія, незнакомыя птички.

Но очень скоро показалось солнце, стало замѣтно теплѣе, и весь туманъ, почти разомъ поднялся и безъ слѣда разсѣялся въ согрѣтомъ воздухѣ. Тогда я просто пискнулъ во все горло отъ восторга, отъ какого-то небывалаго, неиспытаннаго еще чувства восхищенія... Такъ хорошо, такъ величественно, такъ ново было то, что развернулось передъ моими глазами.

Это была чудная, сливающаяся во всѣ стороны съ горизонтомъ, равнина, усыпанная кочками всевозможныхъ размѣровъ... и какими кочками! То покрытыми свѣжими, зелеными побѣгами камыша и осоки, то спрятавшимися подъ бурымъ и красноватымъ, бархатистымъ мохомъ, то, какъ кружевами, оплетенныя причудливыми, ползучими растеніями, усыянными голубыми, бѣлыми и желтыми цвѣточками. Мѣстами сверкали тонкія струйки воды, но мѣстами, словно зеркало въ узорныхъ рамахъ, стояли цѣлыя озера, особенно одно, довольно далеко впрочемъ отъ нашего гнѣзда, было такъ громадно, что я, какъ ни шурился, не могъ разглядѣть противоположнаго берега.

По небу теперь уже плавно плыли большія бѣлыя облака, и въ озерѣ эти облака также плыли, также сливаясь одно съ другимъ, также мѣняя свои причудливыя, округленныя формы. Въ воздухѣ, и въ одиночку, и по-парно, и цѣлыми крикливыми стаями летали разныя птицы — и въ озерѣ тоже... казалось даже, что рѣзкіе крики этихъ птицъ одинаково повторялись ихъ отраженіями.

Отца не было дома; онъ уже улетѣлъ спозаранку, какъ я послѣ узналъ, на охоту, но мамаша была съ нами и заботливымъ клювомъ почистила нашъ желтенькій пушекъ и даже расправила поочередно наши еще безперыя, крохотныя крыльца, годившіяся пока намъ развѣ только для того, чтобы выражать свой восторгъ передъ этими истинными чудесами невиданной природы.

— Однако довольно вамъ зѣвать по сторонамъ! обратилась она къ намъ. — Теперь вѣдь вы, мои милые карапузы, не въ яичныхъ колыбелькахъ, у васъ нѣтъ готоваго провіанта подъ носомъ и надо самимъ заботиться чѣмъ-бы набить ваши прожорливыя желудки.

Едва только она заговорила о стѣстномъ, какъ я почувствовалъ необыкновенный аппетитъ и сестренка моя должно быть тоже, потому что оба мы разомъ раскрыли свои желтые широкіе рты и пропищали:

— Ма... ма... ку... шать!

— Такъ вотъ сейчасъ! улынулась мама. — Ну-ну! не горланить у меня! ѣсть я вамъ сейчасъ дамъ... Здѣсь на счетъ пищи сторона куда привольная! Только вы все-таки приглядывайтесь, какъ я стану добывать «жратву» — самимъ вѣдь потомъ придется продовольствоваться.

Мама наша была женщина добрая, но изъ простыхъ, потому и употребляла иногда грубоватыя вы-

раженія въ родѣ «жратвы» и «горланить»... Она сейчас-же шагнула разъ, шагнула два и принялась своимъ крѣпкимъ носомъ отдирать мохъ съ боку одной изъ сосѣднихъ кочекъ. Тамъ, подъ мокрымъ слоемъ кудряваго моху, оказалось множество жирныхъ, сочныхъ, аппетитно такъ извивающихся червей, и мы сейчас-же получили, каждый поровну, по чрезвычайно лакомому кусочку, при чемъ и мама наша сама позавтракала, мимоходомъ проглотивъ съ полдюжины червей и одну, нечаянно подвернувшуюся подъ ся клювъ, маленькую зеленую лягушку.

Солнышко, да на сытое брюшко скоро пригрѣло насъ, и мы, сдвинувшись вплотную, сладко задремали, какъ вдругъ шумъ и свистъ большихъ, широко машущихъ крыльевъ разогнали нашу дремоту.

Громадный журавль, пепельно-сѣрый, съ бѣлымъ подбоемъ внизу, съ черной, лоснящейся шеєю, чернымъ хвостомъ, ярко-краснымъ полудугами надъ бровями и съ роскошнымъ, висячимъ назадъ султаномъ на головѣ, тычкомъ, съ разлета уѣлся около самой нашей кочки и проговорилъ:

— А вотъ и я!

Это и былъ нашъ папа.

Ага! замѣтилъ онъ насъ. — Вотъ они какіе молодцы... Эко уроды! нечего сказать... Сыновья?

— Одинъ сынокъ, а то дѣвочка, дочка... Да ты только посмотри какая!.. вся въ покойницу бабушку! не безъ гордости отвѣтила наша мама и вторично принялась за opravку нашихъ взѣрошенныхъ туалетовъ.

Папа показался намъ сначала не изъ особенно нѣжныхъ; потомъ мы убѣдились въ его истинно-отеческой любви къ намъ, доходящей даже до геройства, но

такъ безъ надобности, онъ не любилъ нѣжничать и, вполне довѣря насъ мудрости и опытности своей супруги, занимался исключительно общественными дѣлами, не вмѣшиваясь въ наше, такъ сказать, начальное воспитаніе.

Вотъ и теперь, для перваго визита, онъ только потолкалъ насъ поочередно клювомъ, словно счетъ

провѣрилъ, одобрительно тряхнулъ хохломъ и, прыскакнувъ на одномъ мѣстѣ, прокричалъ кому-то:

— А у меня, братъ, на дому съ прибылью!

Скоро, въ отвѣтъ на его возгласъ слышалось старческое, хрипловатое: «поздравляю»!.. и, раздвигая осоку между кочекъ, появился еще одинъ взрослый журавль, очень уже старый, хотя шагавшій довольно еще бодро и съ увѣренностью.

— Ранніи! проговорилъ гость. И, тоже перетолкавъ

насъ носомъ, добавилъ: — Нынче, слава Богу, весна теплая... Повсемѣстно ожидаются раннія выводки... Вотъ подростутъ, окрѣпнутъ какъ слѣдуетъ къ «перелету», — не будетъ такой убыли въ молодежи какъ въ прошлый годъ.

Маменька наша печально вздохнула при этомъ и проговорила:

— Да я тогда тоже обоихъ потеряла. Съ дунайскихъ гирлъ валиться стали... Послѣдняго уже на Балканскомъ кряжѣ бросили... Не хватило силенокъ эво какую путину отмѣрить... Совсѣмъ тогда бабы наши обездѣтили!

Какой такой «перелетъ», какія дунайскія гирла, что это за штука, кряжъ Балканскій... наконецъ — почему тѣ дѣти не выдержали, а на насъ надѣются? все это для насъ, новорожденныхъ, была загадка сущая, а такъ какъ въ эту минуту, мимо самыхъ нашихъ носовъ, ползъ, съ трудомъ перелѣзая черезъ смятые стебли, широкій, плоскій черный жукъ съ длинными усами, то онъ больше заинтересовалъ наше вниманіе, чѣмъ серьезные разговоры старшихъ, и мы, не безъ страха, наблюдали ползущее чудовище, косившееся на насъ весьма подозрительно своими гранеными, блестящими глазами.

Старика журавля, нашего сосѣда звали «Долгонось-Всезнайка». Онъ былъ безсемейный, но дѣтей любилъ очень, особенно насъ, какъ членовъ семьи своего лучшаго друга «Горлана-Трубача»... такъ звали нашего папашу.

Онъ каждый день, а такъ по нѣскольку разъ навѣдывался къ нашему гнѣзду, помогалъ матери, болталъ по вечерамъ съ отцемъ о старинѣ, вмѣстѣ танцевывалъ вечерній привѣтъ заходящему солнцу... и часто ночью, когда приходилось зачѣмъ нибудь просыпаться, я ясно видѣлъ черный силуэтъ нашего

старого друга, неподвижно торчавшаго на часахъ, на ближайшей, самой высокой кочкѣ.

Его звали Всезнайкой не даромъ... Онъ, дѣйствительно, зналъ все, что слѣдуетъ знать высокообразованному опытному журавлю; онъ даже больше зналъ, но не любилъ хвастаться своею ученостью и рассказывалъ свои похождения всегда кстати и толково, не то что другой журавль «Верхоглядъ» (сосѣдъ слѣва, съ девятой кочки) всего только два перелета совершившій на своемъ вѣку, а уже трубящій на все болото о своихъ подвигахъ, вѣчно повторяя одинъ случай, когда ему привелось, гдѣ-то въ Египтѣ, цѣлыхъ полчаса просидѣть на золотой крышѣ высокаго минарета, въ самомъ центрѣ большого люднаго города.

Кстати о людяхъ:

Какъ-то утромъ отецъ нашъ замѣтилъ своему другу: что это, молъ, тотъ не спитъ, а караулить по ночамъ?..

— Въ нашей сторонѣ, говорилъ отецъ — Слава Богу, «людей нѣтъ», значитъ — все чисто, честно и покойно.

— Нѣтъ пока, да скоро будутъ, отвѣчалъ Долгонось-Всезнайка. Дня три тому назадъ я видѣлъ дымокъ вонъ въ той сторонѣ, а вчера бычокъ съ колокольчикомъ подходилъ къ большому озеру... Значитъ близко.

— Мужички что-ли? — переспросилъ отецъ.

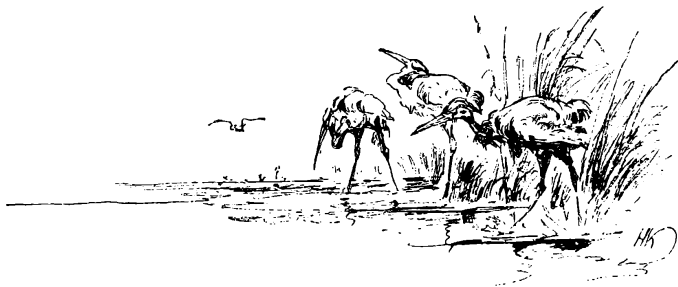
— Они самые будутъ... Пастухи — человѣкъ съ пяткомъ и собакъ съ ними пары три наберется.

— Ну эти не тронуть! замѣтила мама. Эта мелкота! У нихъ и снаряду дальнебойнаго нѣту... Вотъ тамъ, дальше на полдень, живутъ изверги, настоящіе разбойники... А эти, супротивъ тѣхъ, настоящіе ягнята безобидные...

— Лѣтось и сюда впрочемъ навѣдывались — съ самополами своими — да у насъ топко.

Все, что теперь говорилось, все было для насъ загадочно и тайно, пока впрочемъ... Скоро, когда мы научились бодро шагать по кочкамъ, и даже дѣлать невысокіе взлѣты, мы узнали и сами все это, въ ежедневныхъ прогулкахъ, подъ руководствомъ добраго стараго друга Долгоноса-Всезнайки.

II.

Дѣйствительно, мѣстность нашей родины была прекрасна! Да вотъ я лучше стану описывать ее по порядку.

Не только то, что видѣлъ нашъ глазъ съ точки нашего жилища, но гораздо дальше, хоть трое сутокъ лети во всѣ стороны, все разстилалась та же, покрытая кочками, прорѣзанная рѣками и озерами, равнина. «Всезнайка» объявилъ намъ, что равнина эта называется «большія Осташковскія болота». Теперь было начало лѣта, и всѣ болотистые разливы пестрѣли разнообразными цвѣтами... Ярко зеленые бархатныя лужайки красиво перемѣшались съ озерами и болотистыми топами и служили мѣстомъ веселыхъ сборищъ и паствы всевозможнымъ породамъ утокъ, гусей, куликовъ и прочей водяной собратьи... Иногда мы замѣчали и нѣсколько похожихъ на насъ журавлей птицъ, но только издали похожихъ: это были цапли, неопрятныя, прожорливыя и злыя птицы... Онѣ держались особнякомъ, поближе къ водѣ и ловко вылавливали тамъ зазѣвавшуюся рыбку. Въ укромныхъ мѣстахъ такихъ, чтобы никому со стороны не было